

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-384-402

УДК 821.161.1

**«Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи»
в русской поэзии XVIII века***

© 2019, К.Ю. Лаппо-Данилевский

Аннотация: В статье критически анализируется положение Г.А. Гуковско-го о том, что русским анакреонтическим одам XVIII в. чуждо тематическое единообразие. На материале конкретных лирических произведений показывается, что с начала 1760-х гг. наряду с анакреонтическими одами в русской литературе существуют «анакреонтические стихи» — мини-жанр с ярко выраженной формальной доминантой.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, анакреонтические оды и анакреонтические стихи, рецепция античности в России, поэтика, метрический репертуар русской анакреонтической поэзии

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, д.ф.н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: Лаппо-Данилевский К.Ю. «Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи» в русской поэзии XVIII века // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 384–402.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-384-402

* Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ «Русская анакреонтическая ода XVIII — первой четверти XIX века» 16-04-00280.

Одним из основных положений Г.А. Гуковского в его яркой и по сей день не потерявшей научного значения статье «Об анакреонтической оде»¹ является утверждение о том, что этому жанру русской поэзии XVIII в. не свойственно тематическое единообразие:

Поскольку анакреонтическая ода образовала отчетливо отграниченный жанр в русской поэзии XVIII века и поскольку признаком этого жанра была метрическая характеристика его, она являет весьма замечательный пример жанрового мышления эпохи. В самом деле, если понятия жанров в целом ряде случаев грозят при ближайшем рассмотрении оказаться фикцией, не дающей даже удобств вспомогательной гипотезы, то, наоборот, в XVIII веке классификация жанров, являясь одной из основ поэтического сознания, реально присутствовала, как фон бытия каждой отдельной художественной единицы. При этом, конечно, самые разнообразные признаки могли оказаться в роли *differentiae specificae*; в анакреонтической оде в этой роли выступил признак метрический. Тематического единства русские «анакреонтические» оды не имеют; помимо обычных «анакреонтических» в немецком смысле тем, они приемлют темы совершенно иного порядка, не свойственные ни самому Анакреонту, ни его западным подражателям (с. 125).

Определяющим для жанра русской анакреонтической оды, по мнению Гуковского, оказывается ее метрика (говоря проще: анакреонтические оды должны были быть написаны 4-стопным хореем или 3-стопным ямбом без рифм со сплошными женскими клаузулами и без членения на строфы), при этом традиционная для европейской литературы тематика, унаследованная от древности, оказывается для русской анакреонтической оды якобы не обязательна. Подтверждение этому замечанию Гуковский находит в философических стихах М.М. Хераскова и А.В. Нарышкина, написанных «анакреонтовым метром», но весьма далеких от игривости европейской анакреонтики.

Переиздавая ранние работы ученого, В.М. Живов высказал вполне обоснованные сомнения по поводу отрицания Гуковским тематического единства русской анакреонтической оды:

Будущему исследователю предстоит понять, каково было тематическое развитие русской анакреонтики — вопрос, от которого Гуковский сознательно отстраняется. Полагать, что тематически в русской анакреонтике царил полный разнороб, было бы теоретически неосмотрительно и противоречило бы тем фундаментальным идеям о связи

¹ Впервые: *Гуковский Г.А. Русская поэзия XVIII века*. Л., 1927. С. 103–150. Далее ссылки на текст статьи даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

семантики и метра (не прямолинейной, но постоянно возникающей и подвергающейся реинтерпретации), которые утвердились в русской филологии в последние десятилетия².

Пристальный анализ концепции Гуковского, предпринятый мною, позволил взглянуть на нее еще более критически и привел к следующим выводам:

Во-первых, история русской анакреонтической оды в XVIII столетии характеризуется куда большим напряжением, чем полагал ученый, сформулировавший рекомендации А.П. Сумарокова к этому жанру на основании двух его анакреонтических од, опубликованных в 1755 г., и почему-то проигнорировавший представления М.В. Ломоносова о жанре.

Во-вторых, Гуковский, если обратить внимание на стихотворения, им рассматриваемые, склонен не включать переводы эллинистической анакреонтики на русский язык в число анакреонтических од (хотя и не всегда последователен в этом). Такой подход вряд ли правомерен; достаточно сказать, что другие исследователи этого разделения не придерживались и не придерживаются (упомянем здесь лишь Ч.Л. Дрейджа, Д. Шенк, Н.Ю. Алексееву).

Дальнейшее углубление в материал позволило сделать еще одно важное наблюдение: в русской поэзии XVIII в. многие стихотворения дефинировались их авторами как «анакреонтические стихи». Как выясняется, их автоматическое зачисление в разряд анакреонтических од (так поступал Гуковский) неправомерно, а само явление заслуживает более пристального внимания. Но перед тем как подробнее рассмотреть это интересное явление в истории русской поэзии, думаю, имеет смысл разграничить ряд основополагающих понятий, релевантных для темы данной статьи, а именно: русская анакреонтическая поэзия, анакреонтические оды и анакреонтический стих.

Под *русской анакреонтической поэзией* (*русской анакреонтикой*), на мой взгляд, следует понимать, как это обычно и делается, довольно обширный массив стихотворных текстов, в которых воспеваются радости земной жизни и которые в немалой части являются переводами из Анакреонта или античной анакреонтики. К русской анакреонтической поэзии, помимо переводных, принадлежат также оригинальные русские стихотворения, варьирующие мотивы Анакреонта и эллинистических подражаний ему.

² Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 18.

Анакреонтические оды — вполне определенный жанр, ядро русской анакреонтической поэзии XVIII в.; тематика од та же, что и в любом анакреонтическом стихотворении, но в стихах должен быть выдержан ряд требований к метру, рифме, каталектике и строфике, т.е. они должны быть написаны определенным *анакреонтическим стихом* — «*анакреонтовым стихосложением*», по выражению современника.

Видов *анакреонтического стиха* в русской поэзии XVIII столетия несколько (см. ниже), но при этом все они соотносятся с одной из двух основных концепций занимающего нас жанра — *сумароковской* или *ломоносовской*.

Сумароковский канон жанра впервые охарактеризовал Г.А. Гуковский, справедливо полагавший, что опубликованные А.П. Сумароковым в июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 г. две эталонные анакреонтические оды («Пляскою своей, любезна...») и «Завидны те мне розы...») воплотили представления поэта об этом жанре. Согласно Сумарокову, утверждал ученый, анакреонтические оды должны быть астрофичны, иметь женские нерифмованные клаузулы и быть написаны либо 4-стопным хореем, либо 3-стопным ямбом. Гуковский этот канон сумароковским не называл, придавая ему тем самым всеобщность и безальтернативность, и примечательным образом, как уже отмечено выше, оставлял без внимания ломоносовскую анакреонтику.

Наиболее раннее переложение первой анакреонтической оды «Хвалить хочу Атрид...»), сделанное М.В. Ломоносовым в 1738 г., разыскано и опубликовано в XX столетии³. Широкой известностью пользовался перевод третьей анакреонтической оды «Ночною темнотою...»), помещенный Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию» (1748). «Разговор с Анакреоном», содержащий перевод еще четырех анакреонтических од и ответы Ломоносова на них, написан между 1758 и 1761 г. Он был опубликован уже посмертно, в 1771 г.⁴, и с тех пор многократно перепечатывался, в том числе и в XVIII столетии.

Именно «Разговор с Анакреоном» закрепил *ломоносовский канон* русской анакреонтической оды: он менее строг и допускает большее

³ Впервые: *Данько Е.Я.* Неизданная рукопись Ломоносова // Литературная газета. 1938. № 65 (628), 20 нояб. С. 2; ср.: XVIII век. Сб. 2. М.: Л., 1940. С. 257.

⁴ *Ломоносов М.В.* Разговор с Анакреоном: [1] Анакреонт. Ода I («Мне петь было о Трое...»); [2] Ломоносова ответ («Мне петь было о нежной...»); [3] Анакреонт. Ода XXIII («Когда бы нам возможно...»); [4] Ломоносова ответ («Анакреонт, ты верно...»); [5] Анакреонт. Ода XI («Мне девушки сказали...»); [6] Ломоносова ответ («От зеркала сюда взгляни, Анакреон...»); [7] Анакреонт. Ода XXVIII («Мастер в живописстве первой...»); [8] Ломоносова ответ («Ты счастлив сею красотою...») // Российский Парнас. СПб., 1771. Ч. I. С. 26–34. Здесь и далее воспроизводится общепринятая в XVIII в. нумерация анакреонтических од, восходящая к изданиям Анны Дасье.

количество вариаций. Все переводы Ломоносова из эллинистической анакреонтики зарифмованы; мужские окончания в них столь же многочисленны, как и женские, а переложение оды XXVIII разделено на пять строф по восемь стихов со схемой рифмовки абабввгг (клаузула регулярная: жмжмжжмм). Избранные метры почти всюду соответствовали сумароковскому канону: пять стихотворений написаны трехстопным ямбом и одно четырехстопным хореем. Лишь на XXVIII анакреонтическую оду, переведенную четырехстопным хореем, Ломоносов откликнулся четырехстопными ямбами («Ты счастлив сею красотой...»), разбив оба стихотворения на восьмистишия с рифмовкой абабввгг с тем же чередованием клаузул: жмжмжжмм. Четырехстопный ямб в немецкой анакреонтике к тому времени уже давно утвердился, Ломоносов легитимировал его для русских анакреонтических од.

Формообразующими для анакреонтических од были, таким образом, определенные метры, типы клаузул, равностопность, рифма или ее отсутствие, астрофичность или же наличие строф (по большей части довольно простых), почему можно говорить о *двух подтипах сумароковского* и о *трех подтипах ломоносовского* канона (далее соответственно: С и Л каноны), закрепленных в лирике этих поэтов.

Приведу основные характеристики всех пяти разновидностей анакреонтических од (в скобках указываются стихотворения Сумарокова и Ломоносова, «воплотившие» соответствующий подтип)⁵:

С канон 1: Х4ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0 («Пляскою своей, любезна...»)⁶;

С канон 2: ЯЗж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0 («Завидны те мне розы...»);

Л канон 1: Х4жм; клаузула рег.: жмжмжжмм; рифма сложн.: абабввгг; строфика 8 — ода XXVIII («Мастер в живописстве первой...»);

Л канон 2: ЯЗжм; клаузула рег.: жм; рифма перекрест.: абаб; строфика 4 — ода I («Мне петь было о Трое...»), ода III («Ночную темнотою...»), ода XI («Мне девушки сказали...»), ода XXIII («Когда бы нам возможно...»);

⁵ Греческая анакреонтика по большей части написана либо гемиямбами (дословно «полуюмбами», т.е. полустихами ямбического триметра; их метрическая схема: ×(—)(×)), либо логэдическим анакреонтеем (метрическая схема: —(—)(—)). В силлаботонической системе первому размеру наилучшим образом соответствует трехстопный ямб, а второму — четырехстопный хорей; ритмические колебания ни в том, ни в другом по-русски непередаваемы.

⁶ Здесь и далее для характеристики версификационных параметров используется система обозначений, употребляемая в поэтических текстах Национального корпуса русского языка.

Л канон 3: Я4жм; клаузула рег.: жмжмжжмм; рифма сложн.: абабвв-гг; строфика 8 — ответ на оду XXVIII («Ты счастлив сею красотою...»)⁷.

Нетрудно заметить, что сумароковский канон более скуден и строг, потому и таит опасность однообразия. Он хотя и использует те же метры, что два первых подтипа канона ломоносовского, но при этом «оголяет» стих, побуждая поэта отказаться от рифм, чередования различных клаузул, строфического богатства. Канон ломоносовский дает стихотворцу куда больше возможностей проявить свое мастерство, предоставляя в распоряжение большее число метров и не исключая пополнения их арсенала, в особенности если они уже были с успехом опробованы немецкой анакреонтикой, на которую он ориентирован. В то же время сумароковский канон более «филологичен» в том смысле, что стихи, ему соответствующие, оказываются более убедительным качественным аналогом для метров эллинистической анакреонтики.

* * *

Один из краеугольных камней в основании концепции Гуковского — интерпретация «Новых од» М.М. Хераскова (М., 1762)⁸ как сборника анакреонтических од⁹, но именно это мнение ученого, на мой взгляд, нуждается в существеннейших коррективах. Основной аргумент Гуковского в пользу подобной жанровой дефиниции состоит в том, что поэт сорок лет спустя перепечатал «Новые оды» в собрании своих сочинений, сменив название на «Анакреонтические оды», и сделал это несмотря на то, что многие входящие в них стихотворения по тематике далеки от традиционных анакреонтических произведений:

Через семь лет после напечатания двух анакреонтических од Сумарокова появился сборник Хераскова «Новые Оды» (1762), заключающий в себе 28 стихотворений — все без рифм с женскими окончаниями; когда позднее Херасков перепечатал сборник (в VII томе своих «Творений»), он переименовал его в «Анакреонтические Оды» (с. 110).

⁷ Выше охарактеризованы конкретные строфы, представленные у Ломоносова. Это не означает, что за размерами закреплялась определенная строфика. В перечисленных стихотворениях утверждался принцип строфичности, т.е. формы строф могли в дальнейшем свободно варьироваться.

⁸ На титульном листе указан не только год, но и месяц выхода книги в свет: «Печатаны в Москве в июле месяце 1762 года».

⁹ Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., [1800]. Ч. 7. С. 228–319.

Далее Гуковский посвящает сборнику Хераскова пространный пассаж:

Так, в стихотворениях, содержащихся в сборнике «Новых од», или, по 2-му изданию, «Анакреонтических од» Хераскова, — нет ни намека о вине и весьма мало речи о любви. Большинство их занято чисто дидактическим изложением начал моральной философии рационально-стоицкого типа, вообще свойственной Хераскову. Значительная часть од даже расположена в порядке логически раскрывающейся мысли, как главы единого рассуждения или трактата; так, в начале, после вступления, в котором говорится о самом жанре стихотворений сборника (ода I «К своей лире»), идет изложение мировоззрения в следующем порядке: рассказывается о создании человека, о величии и силе его разума (ода II); затем поэт говорит о наступившем вскоре падении человечества и о злоупотреблениях разумом (ода III), затем о воспитании, предохраняющем от этих злоупотреблений (ода IV), и о суетных желаниях, вовлекающих в них (ода V). После этих крупных по размеру пьес идут оды, посвященные областям истинного благополучия: счастливому, верному браку, семейной жизни (VI), философическому спокойствию, преодолению суетных желаний (VII), добродетели (VIII), дружбе и сельской тихой жизни (IX), стихотворству (X) (с. 125–126).

Всё же, на мой взгляд, если мы стремимся осмыслить данное литературное явление исторически, вопрос должен ставиться иначе, а именно: почему в 1762 г., когда новизна анакреонтической оды и ее сумароковских эталонов живо ощущалась, сборник получил название «новых» од, а не «анакреонтических»? Чтобы ответить на него, необходимо обратить более пристальное внимание на план выражения «Новых од», который в отличие от плана содержания (см. вышеприведенный абзац) был охарактеризован ученым крайне кратко: Гуковский написал лишь, что все 28 стихотворений сборника «без рифм с женскими окончаниями» (с. 111).

Обе вышеприведенные характеристики «Новых од», данные Гуковским, нуждаются в некоторых дополнениях и уточнениях. Так, сборник открывает программное посвящение «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой»¹⁰, 29-е по счету. Оно варьирует темы первой анакреонтической оды (в «Творениях» при перепечатке остальных стихотворений оно воспроизведено не было), но не следует сумароковскому эталону. Посвящение написано трехстопным ямбом, разбито на три четверостишия с перекрестными рифмами абаб (клаузула регулярная жмжм). Этот текст заслуживает того, чтобы привести его целиком:

¹⁰ Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 3–6.

Настроя нову лиру,
О чем писать не знал,
И, следуя зефиру,
Места переменял.

С ужасным шумом понта
Я лиру соглашал,
То вкус Анакреонта
С слезами я мешал.

К порокам отвращенье
Старался умножать
И честных утешенье
Хотел изображать.

Ты ненависть сугубишь
К порокам без стихов,
Ты добродетель любишь,
Гоня ее врагов.

Колико сердцу можно,
Являешь в ней плоды:
Тебе, тебе и должно
Принести мои труды.

Вспевая добродетель
И искренность сердец,
Я сделался свидетель,
И их, и твой певец¹¹.

Обманчиво непритязательный зачин посвящения содержит немало важной информации для понимания авторской интенции. Во-первых, Херасков строит «нову лиру», т.е. претендует своим сборником на некое художественное новаторство. Во-вторых, он принципиально отвергает единство стиля: то его лира звучит в согласии с бурливым морем, то игриво-анакреонтически, а то и трогательно. При всем этом поэт ставит перед собой цели преимущественно дидактические, что и становится причиной посвящения сборника Дашковой, поборнице добродетели (это обосновывается во второй части стихотворения).

¹¹ Новые оды Михаила Хераскова. М., 1762. С. 3–6.

Обратимся теперь собственно к «Новым одам». Тема посвящения подхватывается и развивается в «Оде I. К своей лире», обращенной к «разумной россиянке» (т.е. Е.Р. Дашковой) и варьирующей темы всё той же первой анакреонтической оды. Здесь же отдается должное «простоте и сладости» анакреонтовых песен, «нежный слог» которых Херасков желает усвоить. Декларации эти столь общи, что из них невозможно извлечь что-либо о понимании Херасковым собственно анакреонтической поэзии.

Весьма существенно и то, что две из «Новых од» озаглавлены следующим образом (при перепечатке в «Творениях» эти названия были сняты): «Ода XVI. Подраженная Анакреонту» («Брега, брега прекрасны...») и «Ода XXII. Подраженная Анакреонту» («Теперь вы разыгрались...»). Оба стихотворения описывают прелести пастушек; первое из них не лишено некоторой фривольности. Отмечу, что при этом большинство «Новых од» имеет заглавия вполне философические: «Ода II. О силе разума», «Ода III. О вреде, произошедшем от разума», «Ода IV. О воспитании» и проч. Следовательно, в 1762 г. Херасков полагал необходимым подчеркнуть тематическую преемственность од XVI и XXII по отношению к Анакреонту, сделать сразу явным, где сам писал в его вкусе, отделив их тем самым от подавляющего массива своей дидактической поэзии.

Не совсем понятно, почему еще четыре стихотворения, воспевающие радости любви вполне в анакреонтическом духе, не удостоились эксплицитных отсылок в заглавиях к греческому лирику: «Ода XI. Сила любви», «Ода XII. Истинное утешение», а также две безымянных — ода XIII («Тебе приятны боле...»)¹² и ода XVIII («Иные строят лиру...»). Ряд анакреонтических мотивов и аллюзий встречается не только в этих стихотворениях сборника, при этом грань между, условно говоря, «анакреонтической» и «морально-философической» частями хорошо различима¹³. Мотив винопития не пришелся ко двору целомудренной музы Хераскова, Вахк был бескомпромиссно изгнан со страниц «Новых од», а потому их «анакреонтическая составляющая» — это преимущественно составляющая любовная.

Что касается формы «Новых од», то большинство стихотворений, входящих в сборник, соответствовало требованиям, предъявлявшимся Сумароковым к анакреонтическим одам. Так, 24 из 28 «новых од» (если оставим в стороне посвящение Е.Р. Дашковой) написаны 4-стопными хорейми (4) и 3-стопными ямбами (20). Три стихотворения — это ямбы

¹² Эта ода особенно важна, ибо в ее заключительных стихах таланты Анакреонта и Сумарокова ставятся вровень (Там же. С. 43–44).

¹³ Это и обращения к Эроту, и к другим древним божествам, и любовные пассажи, и упоминания седых кудрей Анакреонта (например, в заключительной оде XXVIII), и проч.

четырёхстопные, задолго до этого времени утвердившиеся в немецкой анакреонтике, но не соответствовавшие сумароковскому канону. Лишь «Ода VIII. О силе добродетели» написана двустопным рифмованным дактилем с женскими клаузулами, т. е. размером, абсолютно чуждым жанру анакреонтической оды. Прочитую зачин этого стихотворения, столь отличного от других в сборнике:

О! добродетель,
Ты утесненна:
Только не всеми
В свете забвенна.
Знаю героев,
Кои стремятся
Кровь проливати,
Век свой проводят
В Марсовом поле,
Только тобою
Души их полны¹⁴.

Все стихотворения основного массива «Новых од» астрофичны, как того и желал Сумароков; при этом рифмы (по большей части глагольные и тавтологические) в них встречаются спорадически, более-менее про-странные рифмованные пассажи редки¹⁵.

Для интерпретации сборника крайне важен единственный, хотя и краткий отзыв о «Новых одах» накануне их публикации, содержащийся в статье С.Г. Домашнева «О стихотворстве». Там о сборнике Хераскова сказано следующее: «Последнее его произведение есть *Оды*, писанные *Анакреонтовым стихосложением*» (курсив Домашнева)¹⁶. Гуковский, также процитировавший эту фразу, в связи с ней справедливо заключил: «Понятие “анакреонтического” могло, по-видимому, пониматься как термин, более относящийся к метрике, чем к теории жанров» (с. 127). Однако для рассуждений ученого это наблюдение остается без всякого значения, тогда как оно, на мой взгляд, является ключевым и многое проясняет.

¹⁴ Там же. С. 25. Очевидно, что именно эту оду имел в виду Ч.Л. Дрейдж, указывая на единственный случай дактиля в анакреонтике Хераскова: *Drage C.L. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. XLI. No 96. P. 134.* Как я постараюсь показать ниже, эти стихотворение, как и ряд других, вряд ли может быть причислено к анакреонтическим одам.

¹⁵ См. среднюю часть «Оды XI. Сила любви», финал «Оды XXIV. О терпении» (Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 36–37, 64).

¹⁶ Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 238.

Конечно же, невозможно оспаривать, что «Новые оды» написаны по преимуществу «анакреонтовым стихосложением» и отразили увлечение им Хераскова, но при этом они именно «новые», т.е. новаторские и в смысле смешения тем, непривычного для аудитории, и в смысле некоторой вольности форм, а потому и не могли быть названы автором в 1762 г. «анакреонтическими». Лишь почти через сорок лет происходит их переименование, видимо, как раз в память о некогда пережитом восхищении анакреонтическими метрами.

Для нас же здесь крайне важно другое: в 1762 г. Херасков создал довольно большое число стихотворений, почти все из которых соответствовали сумароковским требованиям к метру анакреонтических од, но не к их тематике, т.е. это были «анакреонтические стихи», а не анакреонтические оды¹⁷.

* * *

А.В. Нарышкин, еще один представитель «сумароковской школы»¹⁸, опубликовал в «Полезном увеселении» в том же 1762 г. пространное дидактическое размышление под названием «Стихи анакреонтические», в котором проповедовалась философия умеренности, как явствует уже из первых строк:

Всемогущая приятность
Философии святой,
Исправля наше сердце,
Век дает нам золотой:
Просвещает наши мысли,
Умеряет в нас желаньи,
И природу очищая,
Предрассудки прогоняя,
Всем велит, как братьям, жити:
Слабости другим прощати

¹⁷ К анакреонтическим одам можно причислить лишь небольшое число стихотворений из херасковских «Новых од» (М., 1762), имеющих ярко выраженную анакреонтическую тематику: рифмованное посвящение «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой», ода I «К своей лире», ода XI «Сила любви», ода XII «Истинное утешение», ода XIII («Тебе приятны боле...»), ода XVI («Брега, брега прекрасны...»), ода XVIII («Иные строят лиру...»), ода XXII («Теперь вы разыгрались...»). Из них оды XVI и XXII отмечены автором как «подраженные Анакреонту». Особняком, как указывалось выше, в сборнике стоит дактилическое стихотворение «Ода VIII. О силе добродетели».

¹⁸ О «сумароковской школе» в русской поэзии XVIII в. см. подробнее: *Gukovskij G. Von Lomonosov bis Deržavin // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1925. Vol. 2, Nr. 3/4. S. 344–351; Гукковский Г.А. Русская поэзия XVIII века. С. 39–40, 44–47.*

И собой не возноситься;
 Если видим в ком худое,
 Строго то не обвиняти;
 Вспоминати общу долю,
 Что то смертной согрешает,
 Смертной нам во всем подобной,
 Те же чувства все имея.¹⁹

Бог в «Стихах анакреонтических» присутствует лишь как Бог-Творец («Одного мы Бога дети»), от мистики христианства они весьма далеки. Нарышкин постоянно апеллирует к разуму, варьируя общепросветительские этические клише: он призывает к «рассмотрению поступков», к «употреблению» могущества рассудка к долгу и всеобщему благу, к исполнению «долга природного» и «закона, нам всем врожденного»; согласно его предписаниям, всем следует «пробывать в своей мере» при поиске блаженства, прислушиваться к собственному сердцу, «примечать его движенья», «очищать свои желанья», «познавать себя». Обличая предрассудки, страсти и пороки, Нарышкин не употребляет слова «грех», зовет не к покаянию, а к жизнестроительству на рациональных основаниях, преодолению отклонений от пути, предначертанного «философией» — неким этическим учением, начала которого якобы изначально присущи человеческому существу.

«Стихи анакреонтические» по большей части вполне соответствуют **С канону 1**, отступлений от которого всего два. Во-первых, десять стихов из 232 имеют мужские клаузулы. Во-вторых, в «Стихах анакреонтических» есть спорадические рифмы, хотя число их и невелико: зарифмованы все десять мужских окончаний²⁰, к которым следует прибавить семнадцать женских рифм (большой частью глагольных)²¹. В подавляющем числе случаев рифмы эти рассыпаны в тексте. Лишь финальные шесть строк зарифмованы сплошь:

¹⁹ Нарышкин А.В. Стихи анакреонтические («Всемогущая приятность...») // Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 268–274. Здесь, как и в других случаях в поэзии XVIII в. (и не только!), возникает известное неудобство при именовании стихотворных произведений, в заглавия которых вынесены обозначения жанров или твердых форм. Ср.: «Сонет», «Триолет», «Ода», «Дифирамб» и проч.

²⁰ Мужские рифмы неизменно парны: святой / златой; нам / странам; дней / детей; дней / своей; моей / сей (Там же. С. 268, 270, 272, 273, 274).

²¹ Женские рифмы почти всегда составляют группы: можно / должно; угодити / заслужити / получить; пролотили / помрачили / стащили / подавили; жили / любили / проводили; обучати / познати / обращати; желанье / упованье (Там же. С. 270, 271, 272, 274).

Философия прямая!
 Вкореняйся в сердце умных,
 Простирай ты власть над ними
 Добродетельми своими.
 Да собудется желанье
 Искренней души моей!
 В суетной нам жизни сей,
 Это сладко упованье²².

В своей статье Гуковский безоговорочно относит к разряду анакреонтических од следующие два стихотворения, хотя они дефинированы авторами как «анакреонтические стихи». В первом случае это произведение анонима: в нем лирический герой обращается к филомеле (т.е., скорее всего, к соловью) и просит вместе с ним «стенати» и оплакивать разлуку с возлюбленной:

Вечерняя певича,
 Драгая филомела,
 Ты жалостно вздыхаешь:
 Что сделалось с тобою?
 Я думаю, ты любишь?²³

Эти «Стихи анакреонтические» (ЯЗж; клаузула ж; рифма 0; строфика 5; стихов 30) имеют лишь одно незначительное отступление от **С канона 2** — они разделены на пятистишия, синтаксически и смыслово вполне законченны.

В том же «Невинном упражнении» в 1763 г. была помещена «Разлука» И.Ф. Богдановича с подзаголовком «анакреонтовыми стихами» (**С канон 2**; ЯЗж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 69)²⁴. То, что автор отнюдь не считал стихотворение анакреонтической одой, можно заключить хотя бы по тому, что в 1783 г. он републиковал его с названием «Идиллия. Белыми стихами» в «Собеседнике любителей русского слова»²⁵.

²² *Нарышкин А.В.* Стихи анакреонтические: «Всемогущая приятность...» // Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 274.

²³ [Аноним]. Стихи анакреонтические («Вечерняя певича...») // Невинное упражнение. 1763. Май. С. 226–228.

²⁴ [Богданович И.Ф.] Разлука: анакреонтовыми стихами («На что в полях ни взглянешь...») // Невинное упражнение. 1763. Июнь. С. 302–304. Перепечатано с тем же названием: [Богданович И.Ф.] Лирическое собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз. любителя. СПб., 1773. С. 54–56.

²⁵ Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 3. С. 35–37; текст отредактирован Богдановичем, количество стихов увеличилось на два.

Никаких ярко выраженных анакреонтических мотивов не находим и в анонимных «стихах анакреонтических» «Превращенная любовь»²⁶ (С канон 1; Х4ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 37). Они представляют собой по большей части ламентации на тему страданий, которые приносит любовь, и начинаются следующим образом:

От оков любви тяжелых
 Слабо сердце убегает,
 Хоть утех с собой ты много,
 О! любовь, приносишь смертным,
 Но несчастья вдвое больше.
 За год, в скуке провожденный,
 Ни минуты нам веселой
 Дать не можешь в утешенье.
 Счастье скоро исчезает,
 Коим смертных награждаешь;
 После в них печаль вселяешь,
 И к раскаянью приводишь.

Лишь в конце стихотворения выясняется, чем вызваны страдания лирического героя: то, что он полагал дружбой, оказалось любовным чувством.

Весьма существенно, что и переводные стихотворения могли зачисляться в разряд «анакреонтических стихов». Так, в 1779 г. в журнале «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» была опубликована подборка из шести стихотворений с общим заглавием «Перевод с немецкого анакреонтических стихов», почерпнутая из двухтомного сборника “Anakreontische Versuche” (1751)²⁷ малоизвестного немецкого литератора Иоганна Франца фон Палтена (Johann Franz von Palthen; 1724–1804). Название немецкой книги («Анакреонтические опыты») указывало на то, что темы стихотворений были порой весьма далеки от анакреонтических. Перечислю оригинальные названия стихотворений, переведенных анонимом: “Die Begeisterung”, “Der Mord”, “Die Elisäischen Felder”, “Dauer der Liebe”, “Seelenwanderung”, “Mein Märgen”, “An den Maler”. Все они написаны белыми стихами без деления на строфы (в переводах эта особенность сохранена); их размеры —

²⁶ [Аноним]. Стихи анакреонтические: Превращенная любовь («От оков любви тяжелых...») // Доброе намерение. 1764. Сент. С. 397–398.

²⁷ Palthen J.F. von. Anakreontische Versuche. Stralsund, 1751. Th. 1–2. См. подробнее: Лаппо-Данилевский К.Ю. Анакреонтические стихотворения И.Ф. фон Палтена и Х.Ф. Вейсе в русских переводах XVIII века // Русская литература. 2019. № 2. С. 37–41.

трехстопные ямбы и четырехстопные хорей. Анонимный переводчик в пяти случаях сохранил размеры, а в двух по неясным резонам изменил. Так, “Die Begeisterung” и “Mein Mädgen” написаны трехстопными ямбами, а их переводы «Вдохновение» и «К девке» — четырехстопными хорейми. Как нетрудно заметить, даже предприняв подобные изменения, русский аноним оставался в рамках сумароковских установок²⁸.

В масонских кругах, судя по всему, «анакреонтическое стихосложение» считали вполне пригодным для философских и одновременно комплиментарных тем. Так, в «анакреонтических стихах», обращенных к С.И. Гамалее²⁹, одному из духовных вождей русского масонства, анонимный почитатель воспел его сорокалетие как событие, имеющее высшее, мистическое значение:

Ли́ра, песням посвященна
 В честь Божественной Любви,
 Из цветов весенних нежных,
 Юных влажных³⁰ чад земли,
 Соплетя венки прекрасный
 Возлагаю на тебя.
 Чтоб со звоном струн согласных
 Благовонный дух парил,
 С анемоном и лилией,
 Гиацинт, фиоль, ямин,
 И сама красота Царица,
 Отложит колючий терн,
 Велелепнейшая роза
 Съединили аромат.
 Трепетаньем звуков кротких
 Их листочков прикоснусь,
 Свет и дух в них сокровенный

²⁸ [Аноним]. Перевод с немецкого анакреонтических стихов: 1. Вдохновение («Аполлон! Бог стихотворства...»); 2. Убийство («Есть ли жизнь, как уверяют...»); 3. Елисейские поля («Обойми меня, драгая...»); 4. Продолжение любви («Любовь мой дух питает...»); 5. Преселение душ («Счастливей всех на свете...»); 6. К девке («Что ты смотришь столько часто...»); 7. К живописцу («Живописец! Ты срисуй мне...») // Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. 1779. Ч. II. С. 39–41, 42, 42–43, 43–44, 44–45, 45–46, 46–47.

²⁹ [Аноним]. Стихи анакреонтические С[емени] И[вановичу] Г[амалее] («Ли́ра, песням посвящена...») // Магазин свободно-каменьщической: Содержащий в себе: речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткие писания, стихами и прозою. 1784. Т. 1. Ч. II. С. 138–140. То, что стихотворение именно обращено к С.И. Гамалее, а не написано им, убедительно показано в статье: Касаткина А.Л. Был ли поэтом Семен Гамалея и что такое «Стихи анакреонтические С.И.Г.»? // Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 2–3. С. 349–362.

³⁰ В «Магазине свободно-каменьщическом», по-видимому, опечатка: влажной.

Сотрясеньем возбужу.
 Пусть мои катятся слезы,
 Как прозрачная роса;
 Из сердечного сосуда
 Излиются капли их.
 Погружаясь в Любви сладкой,
 День блаженный воспою;
 День, в который в свет раждался
 Вожделенный плод ея!

Анонимный автор строит образ почитаемого адресата по контрасту с другими, суетными братьями: Гамалея с младенчества «полюбил свет», а позднее стремился обрести «сокровенный свет»; он познавал и «натуры чин», и самого себя; он «внутренно искал Творца»; он поборал страсти; он был услышан Любовью и «возведен в Премудрых храм» и проч., и проч. «Стихи анакреонтические С[емену] И[вановичу] Г[амалее]» (Х4жм; клаузула жм; рифма 0; строфика 0; стихов 86) отступают от **С канона 1** в одном — в них допущено чередование женских и мужских клаузул.

Г.А. Гуковский без всяких оговорок включил в число анакреонтических од следующие три стихотворения Н.М. Карамзина: «Анакреонтические стихи А* А* П* [А.А. Петрову]» (ЯЗж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 73), «Филлиде» (ЯЗж; клаузула ж; рифма 0; строфика вольн.; стихов 48) и «Мишеньке» (ЯЗж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 57)³¹, несмотря на то, что это ярко выраженные послания, обращенные к конкретным адресатам (неизвестно лишь, кого поэт имел в виду под именем Филлиды). Все три стихотворения отвечают требованиям **С канона 2**; лишь в двух из них есть незначительные от него отступления: текст разбит на различной величины строфоиды.

Сколь бы то ни было ярко выраженных анакреонтических мотивов нет и в «Анакреонтических стихах» (ХЗж с нарушениями; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 43), анонимно опубликованных в 1792 г. в московском «Еженедельнике». Это обращение к ручью, к цветам, к ветерку, к музам с призывом воздать должное красоте возлюбленной, завершающееся признанием, что ее можно оценить, лишь увидев воочию:

³¹ Карамзин Н.М. 1) Анакреонтические стихи А* А* П* [А.А. Петрову] («Зефир прохладный веет...») // Детское чтение. 1789. Ч. XVIII. С. 93–95. Без подп.; 2) Филлиде («Проснись, проснись, Филлида!...») // Московский журнал. 1791. Ч. I. Кн. I. Янв. С. 16–19. Подп.: К.; 3) Мишеньке («Итак, ты хочешь песни...») // Московский журнал. 1791. Ч. II. Кн. I. Апр. С. 8–11. Без подп. С указ. в конце: Лондон, июня 11, 1790.

Что ж молчите, Музы,
 Со мной не гласите
 Красоту пастушки?
 Ах! молчите, Музы;
 Вобразить приятность
 И понять пригожество
 Лишь тому удобно,
 Кто ее увидит³².

Анонимный, не слишком умелый автор избирает для своего стихотворения трехстопный хорей, мало типичный для русской анакреонтики, и не выдерживает его, допуская в текст и четырехстопные стихи («Отрывались охотно», «А она вас украшает»), и даже двустопные («Сеть прелестну»).

В 1790-е гг. впервые появляются «анакреонтические стихи», ориентированные на ломоносовский канон анакреонтической оды: «Похищенный персик» Г.А. Хованского (Л канон 2: ЯЗж,м; клаузула рег.: жжмм; рифма парная: аабб; строфика 2; стихов 48)³³ и «Стихи анакреонтические к К.А.П.И...» (Л канон 3: Я4жм; клаузула рег.: жмжмжмжмж; рифма сложная: абабвгвгх; строфика 9; стихов 18)³⁴. На первый взгляд, означая обогащение арсенала возможных форм, они, скорее, делают наглядным разрушение представлений о форме «анакреонтических стихов», органически связанных с сумароковским пониманием анакреонтической оды, с «сумароковской инерцией» этого жанра.

Подведем наконец некоторые итоги. Увлеченность поэтов, младших современников и почитателей Сумарокова, «анакреонтическим стихосложением» приводит к возникновению в русской поэзии в начале 1760-х гг. «анакреонтических стихов» — своеобразного мини-жанра с ярко выраженной формальной доминантой. В плане выражения он был ориентирован на сумароковский канон анакреонтической оды, а в содержательном «противостоял» ей, т.е. либо разрабатывал темы самые разнообразные и ей по большей части чуждые (например, философские и морально-этические), либо же, обращаясь к темам общим, делал это

³² [Аноним]. Анакреонтические стихи («Чистые потоки...») // Еженедельник. 1792. С. 254.

³³ Хованский Г.А. Похищенный персик: Анакреонтические стихи («Я персик посадил...») / кн. Гр. Хаванской // Приятное и полезное. 1795. Ч. VI. С. 12–13. С названием «Похищенный персик. Анакреонтические стишки» (sic!) в кн.: Хованский Г.А. Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах / князя Григория Хаванского. М., 1795. С. 100.

³⁴ Шаликов П.И. Стихи анакреонтические к К.А.П.И... («Позволь на образ твой небесной...») // Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. 3. С. 95. Перепеч.: Шаликов П.И. Плод свободных чувствований. М., 1799. Ч. 2. С. 196–197.

совершенно в иной тональности. Так, любовным «анакреонтическим стихам» нередко присущи настроения, свойственные скорее элегиям и идиллиям; в них отсутствуют гедонистические мотивы, унаследованные от эллинистической анакреонтики. Несмотря на близкое формальное родство с анакреонтической одой, «анакреонтические стихи» не могут рассматриваться как составная часть русской анакреонтической поэзии и заслуживают отдельного разговора.

Литература

Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Под ред. В.М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2001. 352 с.

Касаткина А.Л. Был ли поэтом Семен Гамалея и что такое «Стихи анакреонтические С.И.Г.»? // Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 2/3. С. 349–362.

Лаппо-Данилевский К.Ю. Анакреонтические стихотворения И.Ф. фон Палтена и Х.Ф. Вейсе в русских переводах XVIII века // Русская литература. 2019. № 2. С. 37–41.

Carmina anacreontea / Ed. M.L. West. Leipzig, 1984. 360 S.

Drage C.L. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. XLI. No 96. P. 110–134.

References

Carmina anacreontea, ed. M.L. West. Leipzig, 1984. 360 S.

Drage C.L. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry. *The Slavonic and East European Review*, 1962, vol. XLI, no. 96, pp. 110–134.

Gukovskii G.A. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka* [Early works on the history of the 18th century Russian poetry], ed. by V.M. Zhivov. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 352 p. (In Russ.)

Kasatkina A.L. Byl li poetom Semen Gamaleia i chto takoe “Stikhi anakreonticheskie S.I.G.”? [Was Semen Gamaleia a poet and what is “Anacreontic Poems by S.L.G.”?]. *Shagi-Steps*, 2016, vol. 2, no. 2/3, pp. 349–362. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii K.Yu. *Anakreonticheskie stikhotvoreniia I.F. fon Paltena i H.F. Weise v russkikh perevodakh XVIII veka* [Anacreontic poems by J.F. von Palthen and C.F. Weise in the 18th century Russian translations]. *Russkaia literatura*, 2019, no. 2, pp. 37–41. (In Russ.)

“Anacreontic odes” and “Anacreontic poems” in the 18th century Russian poetry

© 2019, Konstantin Lappo-Danilevskii

Abstract: The paper critically revises G.A. Gukovskii’s assertion that the 18th century Russian odes are not characterized with thematic consistency. The analysis of certain poetic works shows that since the early 1760s there existed in Russian literature, besides Anacreontic odes, “Anacreontic poems”, a smaller genre with obvious formal rules.

Keywords: 18th century Russian literature, Anacreontic odes, Anacreontic poems, Anacreontic songs, reception of Antiquity in Russia, poetics, metric pattern of Russian Anacreontic poetry.

Information about the author: Konstantin Lappo-Danilevskii, PhD, Doctor Hab. of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Lappo-Danilevskii Konstantin Yu. “Anacreontic odes” and “Anacreontic poems” in the 18th century Russian poetry. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 384–402. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-384-402